

**Позиция правого фланга русской армии при Бородине
(противоречия в источниках и историографических версиях)**

Несмотря на многочисленные описания Бородинской позиции и рассуждения о размещении войск на ней, вопрос об укреплении правого фланга как был, так и остается дискуссионным. Источников, проливающих свет на эту проблему, явно недостаточно, а их толкование не столько проясняет, сколько запутывает ситуацию. Много неясного представляют собой планы и расчеты Кутузова, которые, вслед за Барклаем и Беннигсеном, есть искушение признать ошибочными, либо, не доверяясь слепо мнениям оппонентов главнокомандующего, попробовать отыскать логику в его действиях накануне битвы, анализируя источники. Дополнительная трудность в исследовании этого вопроса заключается в том, что в сочинениях К.Ф. Толя, Д.П. Бутурлина, А.И. Михаловского-Данилевского, противостоящих «крепкой» антикутузовской версии М.Б. Барклая де Толли – Л.Л. Беннигсена, пояснений по поводу чрезмерного усиления правого фланга не содержится.

Как известно, местность представляла явные преимущества обороняющимся на правом (северном) фланге, протяженность которого от деревни Маслово через деревню Горки до центрального редута (батарея Раевского) составляла около 5 верст. Условия защиты этого рубежа соответствовали теории военного искусства, когда линия сражения (фронт) и линия движения войск (директриса) пересекались в районе Горок почти под прямым углом, обеспечивая на этом участке наилучший способ взаимодействия с противником – направление его атак было перпендикулярно оборонительной линии русских войск. Правый фланг, располагаясь на высоком и обрывистом правом берегу Колочи, пересекал

Новую Смоленскую дорогу и надежно прикрывал основную коммуникацию на Москву. Очевидно, этим несомненным в глазах Кутузова достоинством определился выбор позиции, на которой 22 августа стали располагаться русские войска. Особое значение Новой Смоленской дороги отмечалось и неприятелем. Ж.Ж. Пеле констатировал: «Большая Московская дорога, по которой следовали обе армии, будучи весьма широка, позволяла идти нескольким колоннам различных войск»ⁱ. Следовательно, осуществить движение к Москве после сражения Кутузов мог только этим путем, что подтверждал Беннигсен, критиковавший многие распоряжения главнокомандующего: «Когда же мы узнали <...> какие силы мы могли противопоставить неприятелю, и что у нас уже не было достаточно пехоты <...>, то было принято благоразумное решение отступить в ночь по Можайской дороге, – единственной, которой мы могли воспользоваться в этих критических обстоятельствах»ⁱⁱ.

Позиция правого фланга имела ряд других достоинств, способствовавших его устойчивости: оконечность его упиралась в Москву-реку и прикрывалась густыми лесами, уменьшая угрозу обхода. Сильно всхолмленная местность перерезалась оврагами, по дну которых бежали ручьи Воинка, Стонец, Огник. В расположение войск не вносилось изменений, поэтому с 22 по 25 августа здесь были, со слов Барклая, возведены все запланированные укрепления. Сочетание природных и искусственных препятствий почти полностью исключало возможность нападения неприятеля на правом фланге, но и русских обрекало на пассивную оборону, что сразу заметил противник. Этот фланг «был столь же неприступен, как и неопасен», – свидетельствовали генералы Ж. Рапп, Ж.Ж. Пеле, Ф. Сегюр. Об этом же сообщал и И.П. Липранди : «Не только местность, изрезанная глубокими и в перпендикулярном направлении к нашей позиции оврагами и <...> длинными извилинами Колочи, затруднила

бы движение неприятельских колонн и взаимное их между собою сообщение для натиска на наш правый фланг, но здесь было еще то главное, что Наполеон не имел бы простора к маневрированию, будучи для сего стеснен на своем левом крыле течениями Москвы-реки»ⁱⁱⁱ.

Именно на этом участке позиции Кутузов приказал сосредоточить главные силы – 70-тысячную 1-ю Западную армию Барклая де Толли. Историки давно обратили внимание на ситуацию, охарактеризованную в работе А.И. Попова: «Насколько озабочен был русский Главнокомандующий защитой своего правого крыла, настолько же противник буквально пренебрег этим направлением»^{iv}. В сочинениях К.Ф. Толя, взявшему на себя труд разъяснять некоторые «виды» Главнокомандующего не содержится каких-либо пояснений этому обстоятельству, толкуемому специалистами по-разному. Так, Б.М. Колюбакин предполагал: «Вызывая противника на лобовую атаку <...> и рассчитывая расстроить его сильной обороной войск, исполненных “чрезвычайным духом” и огнем значительной артиллерии, Кутузов в войсках общего резерва и массах кавалерии имел орган маневра, т.е. средство атаковать и самому расстроенного и истощенного противника»^v.

Эта версия имела статус единственно правильной и в советской историографии. К ней добавилось соображение о том, что Кутузов намеренно создал численный перевес в войсках на правом фланге, чтобы вынудить неприятеля «атаковать наше левое крыло»^{vi}. Версия подверглась основательной критике в работе А.Н. Кочеткова: «Конечно, М.И. Кутузов не собирался намеренно ослаблять левый фланг <...>. Плохую услугу полководцу оказывают те, кто приписывает ему подобное легкомыслие»^{vii}. На наш взгляд, справедливо мнение Н.А. Троицкого: «Просто Кутузов считал главным именно правый фланг своей позиции, так как он прикрывал “столбовую” Новую Смоленскую дорогу – кратчайший путь к Москве.

Прорыв французов на эту дорогу отрезал бы русскую армию от Москвы и грозил бы ей гибелью»^{viii}.

По-видимому, дело было не только в этом. Выше отмечалось, что со временем в отечественной историографии изменились представления о достоинствах и недостатках Бородинской позиции. В частности, Н.А. Троицкий писал: «Слабость русской позиции заключалась прежде всего в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального удара». А силы позиции, по мнению ученого, была в следующем: «Главное же, позиция позволяла русской армии “оседлать” обе дороги, ведущие к Москве, – Старую Смоленскую и Новую Смоленскую»^{ix}. Но Кутузов в рапорте от 23 августа 1812 г. сообщал Александру I о другой опасности: он боялся, что неприятель «станет маневрировать по другим дорогам», ведущим к Москве, пытаясь обойти его позицию с фланга. Именно из-за угрозы обхода по Старой Смоленской дороге «передвигали» левый фланг. Об опасности этого, заброшенного к началу XIX в. тракта писал И.П. Липранди: «...неприятель, форсируя по Старой Смоленской дороге через Утицу, мог придти в Можайск и чрезвычайно затруднить наше положение»^x. В этом случае Кутузов, согласно рапорту от 23 августа намеревался покинуть Бородинскую позицию даже без сражения. Рапорт Кутузова позволяет утверждать, что у него не возникало сомнения в том, что нападению подвергнется левый, а не правый фланг. Вспомним мнение И.П. Липранди. Историк-критик высказал ряд основательных суждений по поводу особенностей русской позиции на правом фланге, попытавшись найти логическое объяснение замыслу Кутузова, сосредоточившего именно здесь главные силы: «Некоторые, а в их числе и г.-м. Богданович, находят, что позиция наша при Бородине была слишком растянута; что правый фланг ее должен был начинаться от Горок <...>. В свое время никто и не думал, что неприятель атакует наш правый фланг; все знали, что Наполеон великий

мастер своего дела, чтобы придумать такую нелепость <...>. Трудно допустить себя думать, чтобы Кутузов имел в виду на неприступном нашем правом фланге поставить 22-го августа и оставлять до утра 26-го четыре корпуса и Платова с казаками в том предположении, что неприятель изберет этот фланг для главного своего напора»^{xi}. Липранди призывал «исследовать причины», побудившие Кутузова к подобному размещению войск. В историографии этот вопрос как был, так и остался открытым.

Кроме того, источники позволяют заметить, что в историографии изменились представления и о самой позиции. Так, Барклай подразумевает под позицией левого крыла отнюдь не флешы и Семеновское, а Старую Смоленскую дорогу. Кстати, эта же точка зрения характерна для всей французской историографии. Например, маршал Ней называет батарею Раевского «крайним правым редутом» русского левого крыла. И маршал не ошибся, и не перепутал правую и левую флешы, как, вслед за А.В. Геруа, предполагают А.И. Попов и В.Н. Земцов. Достаточно внимательно прочитать Рапорт Нея, чтобы убедиться в том, что маршал написал в этом документе именно то, что хотел написать^{xii}. Кутузов, Паскевич также включают батарею Раевского в позицию левого крыла, которую обороняют в начале сражения войска 2-й Западной армии. Вероятно, по этой причине об этом укреплении не упоминается ни в рапорте Главнокомандующего от 27 августа, ни в «Официальных известиях из армии от 27 августа».

Можно предположить, что Барклай де Толли и Беннигсен, предлагавшие сократить фронт, были правы. Беннигсен, согласно его «Запискам...», считал необходимым «наш правый фланг опереть на деревню Горки и двинуть все остальные войска нашего правого фланга на поддержку левого крыла»^{xiii}. Барклай де Толли, согласно его сочинениям, убеждал Кутузова «при наступлении темноты, исполнить с армиею движение так, чтобы правый фланг 1-й армии отступил на высоты Горки, а

левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус. Сие расположение не переменяло бы боевого порядка; каждый имел при себе собранные войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть сбережены до последнего времени, не будучи рассеянны и, может быть, решились бы сражение. Князь Багратион не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый фланг неприятеля»^{xiv}. Барклай почти ручался за успех, от которого по необъяснимым причинам отказался Кутузов, за что его в последнее время особенно часто упрекают историки. Однако, как мы отмечали уже не раз, сочинениям обоих военачальников, заложивших основы критических взглядов на деятельность Кутузова при Бородине, присущ общий и существенный недостаток с точки зрения достоверности: их взгляды на события при Бородине оформились после того как генеральное сражение стало свершившимся фактом.

Прежде всего следует установить связь между тремя главными источниками, содержащими указания на промах Кутузова, допущенный в размещении правого крыла. Первым, кто изложил свои замечания в «Оправданиях» осенью-зимой 1812 г. был Барклай де Толли. Причем, бывший главнокомандующий 1-й Западной армией возложил всю ответственность за «приискание позиции» на Л.Л. Беннигсена. Беннигсен обратился к этой непростой теме лишь в 1815–1816 гг. Из его «Записок...», составленных в виде писем А.Б. Фоку, становится очевидным, что он знаком с сочинениями Барклая, с которым он вступил в скрытую полемику. Бывший и.о. начальника Главного штаба Кутузова обвинил во всех просчетах, связанных с выбором позиции К.Ф. Толя, пользовавшегося излишним доверием Кутузова. «Записки...» Беннигсена были хорошо известны А.П. Ермолову. В 1812 г. Ермолов находился с Беннигсеном в дружеских отношениях, явно рассчитывая, что «победителю непобедимого» в войнах 1806–1807 гг. удастся в конце концов занять место Кутузова, не

благоволившего к начальнику Главного штаба 1-й армии. Расчеты Ермолова не оправдались, и генерал оказался окончательно скомпрометированным в глазах Кутузова. Было бы странным, если бы в своих Записках Ермолов выказал бы себя «доброхотом» Светлейшего. Естественно, он примкнул к мнению Беннигсена.

Насколько последовательны критики Кутузова в своих обвинениях в его адрес? Барклай де Толли, например, вопреки источникам, утверждает, что первой атаке подверглось правое крыло русской позиции, угроза которому была ликвидирована до первого нападения на левый фланг русской позиции. «Сдержанный шотландец» был далеко не чужд человеческих слабостей. Желая представить себя в письмах Александру I вездесущим и распорядительным в противовес безвольному и недеятельному Кутузову, Барклай поневоле «вошел в противоречие с самим собой». С одной стороны, он сообщает, что войска с правого крыла не успевали вовремя подойти к угрожаемым пунктам. С другой стороны, он утверждает, что направил на левый фланг 2-й пехотный корпус до того, как туда подоспела гвардия: «2-й корпус был отряжен к генерал-лейтенанту Тучкову 1-му, гвардейские полки употреблены были при деревне Семеновской»^{xv}. Более того, Барклай также утверждает, что 4-й пехотный корпус А.И. Остермана-Толстого находился в центре позиции «на левом фланге 26-й дивизии» во время первой атаки на батарею Раевского. Если судить о передвижениях войск по сочинению Барклая, то следует признать, что в них проблема «запаздывания» войск с правого крыла отсутствует. Кстати, Кутузова постоянно упрекают в том, что он преувеличил успехи русских войск в сражении при Бородине, но мне ни разу не приходилось слышать подобных упреков в адрес Барклая, сообщившему Государю о поведении неприятеля: «Известно, что он, отраженный от всех пунктов с бесчисленною потерей, удалился с места сего, можно сказать,

беспримерного сражения».

Ермолов же в свих Записках выказал столь малую осведомленность о некоторых известных событиях Бородинской битвы, что исследователю остается только развести руками. Так, упрекнув Кутузова в том, что он отказался вовремя усилить левый фланг «по настоянию генерала Беннигсена», Ермолов сообщает, что 3-й пехотный корпус был отряжен на Старую Смоленскую дорогу только 26 августа (!): «Кутузов, не теряя времени, приказал идти на левый фланг 3-му корпусу генерал-лейтенанта Тучкова 1-го. Как вихрь понеслись полки 1-й гренадерской дивизии»^{xvi}. Известно, что 3-й пехотный корпус пребывал на Старой Смоленской дороге, по версии Барклая — с 24 августа, по версии Толя — с 25-го. В этом случае упреки Ермолова Кутузову выглядят недостаточно обоснованными.

Можно ли реконструировать ход мыслей Кутузова в отношении плана Барклая? Думается, что источники дают такую возможность. Вспомним, что полководец опасался обходного маневра настолько, что собирался в этом случае отступить, даже не принимая сражения. В то же время, по словам Барклая де Толли, Кутузов полагал, что Старая Смоленская дорога «легко может быть защищаема нестроевыми войсками». Причем, по словам Барклая, в этом вопросе с Кутузовым был полностью «солидарен» и Беннигсен (о чем сам Беннигсен в своих Записках умалчивает). Свидетельство Барклая не согласуется с опасением, высказанным Кутузовым в рапорте от 23 августа, и его решением отступить вечером 26 августа, как только поступили сведения о движении неприятельских войск по Старой Смоленской дороге. Именно это обстоятельство, согласно «Официальным известиям», послужило предлогом к отступлению. Неудивительно, на наш взгляд, что Кутузов отдал приказ отступить. Выглядело это, по рассказу А.А. Щербинина, так: Кутузов «велел Толю обозреть, в каком положении находится левый фланг. <...> Приехав на

левый фланг, Карл Федорович узнал (sic! — *Л.И.*), что старая Московская дорога ведет лесами прямее почтовой на коммуникации армии. Оттуда только слышались упомянутые выстрелы. Это обстоятельство было решительное»^{xvii}. В этом рассказе вызывает удивление слово «узнал». Сомнительно, что Толь не догадывался об опасениях Кутузова в отношении этой дороги. Не менее сомнительно, что Кутузов воспринял известия от своего генерал-квартирмейстера как «откровение». В этой ситуации есть что-то нарочитое. Видимо, полководец с самого начала не хотел держать там большие массы войск. Он не собирался сражаться до последнего солдата, любой ценой защищать Старую Смоленскую дорогу, удерживая за собой поле битвы. Увести главные силы армии он мог только по Новой Смоленской дороге, где он их и держал до последней возможности. Таким образом, Кутузов расходился с Барклаем во взглядах на конечную цель сражения.

Барклай считал, что Багратион мог с успехом ударить по неприятелю в то время, как он сам с войсками 1-й армии удерживал бы позицию от Горок до Семеновского. Но так легко было рассуждать после сражения, когда стало ясно, что силы Наполеона исчислялись именно 135, а не 165–195 тыс., как докладывала разведка. Следовательно, Кутузов, ожидая удара на левом фланге, вполне мог предполагать, что этот удар окажется комбинированным: неприятель, атаковав с фронта, одновременно мог выделить «сильный корпус» для обхода с фланга. Накануне сражения Наполеон рассматривал этот вариант, предложенный маршалом Даву. Коленкур вспоминал: «Император колебался, произвести ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля и частично оставить в стороне его редуты, или же занять такие позиции <...>, чтобы иметь возможность атаковать неприятельский центр с фронта и с тыла, начав атаку правым крылом»^{xviii}. В этом случае армия Багратиона

столкнулась бы на «Старой Смоленке» не только с корпусом Понятовского, но и с корпусом Даву в составе пяти дивизий. Если бы 2-ю армию в лесу атаковали значительные силы, она вряд ли смогла бы, как полагал Барклай, помочь его войскам отразить фронтальный удар. Если бы линия обороны была разорвана (численный перевес противника заставлял предполагать эту вероятность), то 2-я армия осталась бы в лесу, а армия Барклая, вероятно, была бы отрезана от Новой Смоленской дороги. Нельзя также объяснить поведение Кутузова тем, что он планировал использовать правый фланг в качестве резерва для левого, хотя так оно и вышло по ходу сражения. В этом случае расположение основной массы русских войск на правом фланге, значительно удаленном от решающего места событий, создавало опасность разгрома левого крыла до прибытия резерва.

Уместно вспомнить предположение Липранди, считавшего, что Кутузов пытался создать у неприятеля видимость угрозы перехода в наступление на нашем правом фланге, тем самым сковав левый фланг французов; поняв же, что это ему не удалось, он стал срочно перебрасывать войска на помощь Багратиону. Липранди предлагал «исследовать вопрос, вдался ли Наполеон в обман». Историки, критикуя Кутузова, не обращали внимание на то, что Наполеон перебросил две дивизии в район Новой Смоленской дороги в помощь корпусу Е. Богарне, которые не смогли участвовать в бою за флеши. Тем самым корпус Даву был сильно ослаблен.

Следовательно, логика Кутузова в отношении правого фланга могла быть следующей: усиление войск на Старой Смоленской дороге привлечет внимание Наполеона именно к этой дороге; сильная группировка войск в районе Новой Смоленской дороги привлечет внимание французского полководца к этому направлению, заставив искать объяснение замыслам противника. По свидетельствам Сегюра и Пеле, Наполеон не знал, «какое назначение готовил русский генерал этим войскам» и именно по этой

причине не стал «отрывать» свой левый фланг от Новой Смоленской дороги. Таким образом, решение Кутузова об усилении правого крыла позиции нельзя истолковывать вслед за Барклаем и Беннигсеном только как явную оплошность.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ Бородинское сражение: Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года // Бородинское сражение. М: Изд. ЧОИДР, 1872. С. 64.

ⁱⁱ Записки графа Л.Л. Беннигсена... // Русская старина. 1909. Т. 9. С. 499.

ⁱⁱⁱ *Липранди И.П.* Бородинское сражение, заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочиненную г.-м. Богдановичем // Материалы для Отечественной войны 1812 года: Собр. ст. СПб., 1867. С. 178.

^{iv} *Попов А.И.* Бородинское сражение (боевые действия на северном фланге). Самара, 1995. С. 14.

^v *Колюбакин Б.М.* 1812 год: Бородинское сражение 26 августа // Русская старина. 1912. Кн.3. С. 262.

^{vi} *Богданов Л.П.* Русская армия в 1812 году. М., 1979. С. 135.

^{vii} *Кочетков А.Н.* О некоторых ошибках в освещении Бородинского сражения // Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 40.

^{viii} *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 143.

^{ix} Там же. С. 138.

^x *Липранди И.П.* Указ. соч. С. 178–179.

^{xi} Там же. С.178–179.

^{xii} *Pieces officielles et bulletins de la Grand Armée...* Paris, s.a. [1813]. P. 325–326.

^{xiii} Записки генерала Л.Л. Беннигсена... С. 497.

^{xiv} *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 года. СПб., 1912. С. 185.

^{xv} Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 333.

^{xvi} Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 29.

^{xvii} *Щербинин А.А.* Записки // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вильно, 1900. Вып. 1. С. 21–22.

^{xviii} *Коленкур А. де.* Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 124.